

Ханако - так ее теперь звали, можно было бы начать идентифицировать ее с этим именем - тихонько ерзала на своем месте. Напротив нее сидел Данзо Шимура, сам мистер Злой МакБадгуй, а по обе стороны от него - другие члены совета Конохи. Все они смотрели на нее с неприкрытым недоверием. Особенно Данзо, казалось, наслаждался, наблюдая за тем, как она извивается. Если не принимать во внимание ее собственные знания о нем, он был устрашающим человеком. Глубокие вороньи ноги и хмурые морщины подчеркивали его жестокую усмешку, печеночные пятна выделялись на бледной коже, словно тьма внутри него пыталась вырваться на свободу. Другие члены совета были не лучше. Старые и увядшие, их лица, вероятно, так и застыли.

К счастью, Хокаге тоже был там, держа ее за руку с нежной улыбкой. Теперь, когда она действительно посмотрела на него, его сходство с ее дедом было не таким уж сильным. Форма его челюсти, то, как двигались брови, когда он говорил, один кривой зуб, торчащий из его улыбки - множество мелочей, которые вместе окутывали этого азиата туманом фамильярности, недобро потянуло Ханако к сердцу.

Столкнувшись с этим и совершенно не желая снова плакать, она решила сосредоточиться на его руках. Ее дед был мягким, ровным человеком, чьи зеленые глаза всегда искрились тихим озорством. Его пальцы были длинными и тонкими, часто сухими и испещренными чернильными пятнами. Руки Хокаге были широкими и грубыми, с мозолями, рожденными жизнью ниндзя. Их тепло успокаивало нервы Ханако, но она все равно избегала смотреть на Данзо слишком долго.

"Итак, - начал глава резни Учиха, наклонив голову и глядя на нее исподлобья. "Тебя зовут Ханако, верно?"

Она кивнула. "Да, господин".

"Без фамилии?" Старуха покачала головой. "Большинство детей твоего возраста, по крайней мере, знают это".

Тч. "Никто никогда этого не говорил", - тихо ответила Ханако, не в первый раз поблагодарив ту силу, которая посчитала нужным запечатать ее воспоминания. "Мы все были на одно имя".

"А кто такие "мы"?" Данзо задержался на этом слове, растягивая его так, что Ханако хотелось бы не слышать.

"Моя семья. Это я, мои родители и мои двоюродные братья". Проклятье. Теперь она сочиняла целую предысторию. Хорошо, что никто не мог ее проверить. Кроме того, она не лгала. Не совсем. Она действительно жила с родителями и кузенами, когда ей было пять лет, до рождения братьев и сестер. Так что, если бы на заднем плане не работал какой-нибудь дзюцу-детектор лжи, с ней, надеюсь, все было бы в порядке.

Все члены совета обменялись взглядами, наполненными смыслом, который она не могла уловить. Старуха заговорила снова. "Ты знаешь имена своих родителей?"

О нет.

"Да", - начала она, перебирая в уме правдоподобные японские имена. "Эйдзироу и Очако". Ну, разве это не нормально?

Старуха кивнула и записала свой ответ, вероятно, используя неправильные кандзи. Будь проклят Хорикоши и его глупые имена.

Может, она и свои на него свалит? Было бы неплохо.

"Ты знаешь, для чего нужны твои татуировки?"

Вопрос Данзо не стал неожиданностью - если она и удивилась, что он не задал его раньше.

"Вообще-то, не знаю", - ей не пришлось притворяться, что на ее лице отразилась грустная растерянность. "Когда я пытаюсь, там ничего нет. Хотя у моей матери они тоже были, так что они должны быть важны".

Во время ночевки у Какаши Ханако не преминула рассмотреть свои татуировки повнимательнее. Письменность по-прежнему была ей непонятна, одни загогулины и точки, но толстые черные полосы были хотя бы различимы. Начинаясь на ладонях, они шли вверх по рукам, вокруг талии и до подошв ног. Честно говоря, она чувствовала себя похожей на Аватара, и это ее не злило.

Явно недовольный ее ответом, Данзо обратился к взрослым в комнате. "Как мы можем позволить чужому шиноби войти в деревню, когда мы не знаем ни ее клана, ни ее способностей?"

"Она еще ребенок, Данзо", - вздохнул Хокаге.

"Пусть она и ребенок, но ребенком она не останется. Что если деревня вступит в конфликт с ее народом? Как мы можем быть уверены, что она будет верна нам?"

Ей было неприятно это признавать, но в его словах был определенный смысл. Или, если бы она не была совсем ребенком, он бы имел смысл.

Хокаге погладил бороду, явно подбирая слова. Он повернулся к Ханако с до боли знакомым блеском в глазах. "Ханако-чан, есть ли что-нибудь еще, что ты можешь рассказать нам о своей семье? Например, об их ценностях или о том, как они относятся к конфликтам?"

Старушка начала протестовать, что она слишком молода, чтобы отвечать на такие вопросы, но Ханако уже говорила.

"Ну", - медленно сказала она, думая о своей настоящей семье, находящейся буквально в другом мире. "Мы очень ценим образование. Моя мама всегда поощряла меня задавать вопросы и читать новые книги при любой возможности. Она была очень умной", - ее голос начал срываться, и она сделала паузу, чтобы успокоиться, крепче сжав руку Хокаге. "Она была очень умной. Она любила читать книги по истории, изданные в разных странах, чтобы знать точку зрения каждого".

Хокаге мягко улыбнулся. "Похоже, она замечательная женщина".

Подбородок Ханако дрогнул, но ей удалось прокричать крошечное "Спасибо" без слез.

Данзо не выглядел впечатленным. "Давайте не будем забывать, что эта "замечательная женщина" встретила довольно жестокий конец. Наверное, лучше считать, что она была исключением, а не надеяться, что остальные члены ее клана разделяют ее взгляды".

Неужели он должен был так много говорить? Он был злым - она знала, что он был злым, - но он приводил очень веские аргументы. Теперь она понимала, чем он заслужил свое место в совете и расположение Хокаге. Хокаге был совершенно не против просто впустить ее в деревню, но Данзо, по сути, заставлял его прикрывать свои позиции на случай, если кто-то еще будет сомневаться в нем.

Жаль, что он был злым.

"Ну, дитя", - спросил он ее, тон и выражение лица оставались холодными. "У тебя есть еще что-нибудь сказать в свою защиту?"

Не совсем, но...

"Мой дедушка", - начала она, улыбаясь сама себе, вызывая воспоминания. "У него было кое-что, что он всегда говорил, когда кто-то из нас ввязывался в драку. "Не убивай, если можешь ранить, не рани, если можешь подчинить, не подчиняй, если можешь утихомирить, и никогда не поднимай руку, пока не протянешь ее первым"". "

Ее дедушка любил Чудо-женщину. Она отчетливо помнит, как плакала, когда узнала, что он оставил ей все свои комиксы первого издания. Это была одна из их общих радостей, и какая-то часть ее гордилась тем, что привнесла мудрость амазонок в царство ниндзя.

Она подняла голову и встретила с критическим взглядом Данзо. "Я не могу говорить за весь мой клан, да и есть ли он вообще, но я могу говорить за себя. Я не люблю насилие. Мысль о том, чтобы причинить такую боль сердцу, какую причинила мне смерть моей матери, вызывает у меня отвращение. Я понимаю, что мои отсутствующие воспоминания и наложенная на них печать - серьезная причина для беспокойства, особенно учитывая, что я явно из семьи шиноби, которую вы до сих пор не можете идентифицировать. Однако, боюсь, у меня нет иного выбора, кроме как просить о снисхождении. Я ребенок, не имеющий ни формального обучения, ни

семьи, на которую можно было бы положиться. Помогите мне, Данзо Шимура-сан, вы - моя единственная надежда".

Она низко склонилась в поклоне, устремив взгляд на свои сандалии в ожидании ответа. К ее удивлению, следующим заговорил Хокаге.

"Спасибо, Ханако-чан. Можешь поднять голову". Он повернулся к членам совета, выражение его лица было суровым. "Я полагаю, мы услышали все, что нам нужно, да?"

Данзо тяжело вздохнул, его лицо уже не было таким жестким. "Согласен. Расположите ее там, где вам будет угодно".

Что?

Усмешка Хокаге была тепло-зловещей. "О, я планирую."

Что!?

Ханако встретила и удержала взгляд Какаши, в котором читалось измученное недоверие.

"Ты не можешь быть серьезным", - сказал Анбу, повернувшись к Хокаге, который сидел за своим столом с плохо скрываемой самодовольной ухмылкой на лице.

"О, я серьезен", - усмехнулся старик. "На самом деле, я не думаю, что когда-либо был более серьезен по отношению к тебе, Хатаке-кун".

Какаши разразился тирадой, перечисляя все причины, по которым он не мог взять на себя ответственность за воспитание детей.

Ханако все еще не могла прийти в себя после сообщения о том, что ее детская влюбленность теперь должна стать ее отцом.

Может быть, даже... папой?

Она яростно тряхнула головой, чтобы прогнать эту проклятую мысль из головы.

"Ты в порядке, малыш?"

Она отмахнулась от беспокойства Какаши, бросив гневный взгляд на Хокаге. "Это законно?"

"Что ты имеешь в виду?"

"Я имею в виду", - прошипела она. "Разве посягательство на автономию частных граждан является одним из законных прав Хокаге?"

Оба мужчины смотрели на нее с недоумением в течение долгого, затянувшегося мгновения, прежде чем Какаши повернулся обратно к Хокаге.

"Неважно, я заберу ее".

Ханако потрясенно смотрела на него.

"Что?" Он взъерошил ее волосы. "Ты не хочешь меня?"

"Но он принуждает меня к тебе", - настаивала она. "Я уверена, что у тебя есть дела поважнее, чем заботиться о ребенке, который даже не твой".

Он поднял на нее бровь. "О, ты уверена, да? Если бы ты была любым другим ребенком, ты была бы права. Но", - он ткнул пальцем в ее сторону. "Мой ребенок знает, что такое юридическая автономия. Сколько еще людей могут сказать это?"

Что?

Она открыла рот, чтобы возразить, но Какаши уже заполнял бумаги, разложенные на столе Хокаге, и громко хмыкал.

"Ты пожалеешь об этом", - сказала она безразлично, уже предвидя худшие варианты развития событий.

"О, пожалуйста", - сказал ее новый родитель певучим голосом. "Как это может быть плохо?"

<http://tl.rulate.ru/book/63061/1648347>